

ОБРИ В. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ОБРИ Вера Александровна, родилась в 1878 в Санкт-Петербурге. окончил гимназию. С 1899 — служила в частных конторах, с 1905 — на Почтамте. 18 января 1934 — арестована по групповому делу церковников и мирян, 26 февраля приговорена к 3 годам высылки и 8 марта выехала в Кокчетав, в мае переведена в Володарку Карагандинской области.

В августе 1934 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<23 августа 1934>

«Бюро помощи Политзаключенным
Тов<арищу> Е. П. Пешковой

От администр<ативно> ссыльной
В. А. Обри

Заявление

Тов<арищ> Пешкова!

Я уроженка и жительница гор<ода> Ленинграда, слыша от окружающих меня людей о неоднократной помощи с Вашей стороны людям, находящимся в одном положении со мной, решила также обратиться к Вам, прося Вашего ходатайства по моему делу.

Проживая в Ленинграде со дня рождения 1878 года, по своему происхождению я являюсь мещанкой. Отец мой был служащий, умер сорок лет тому назад.

Образование мое среднее, училась бесплатно в гимназии за хорошие успехи и за многочисленность семьи: 6 человек детей без отца. В 1896 году я вышла замуж за французского гражданина Обри, с которым прожила три года, разошлась с ним и с тех пор начала работать, сначала в частных местах, а с 1905 года в Ленинградском Почтамте, где проработала 29 лет непрерывно до 17 января 1934 года.

В продолжении всей своей работы в Почтамте я не имела ни одного прогула, ни одного замечания, а в последние годы нашего строительства была ударницей, несколько раз премирована и считалась лучшей работницей.

18 января 1934 г<ода> я была арестована по церковному делу, мне предъявили статью 58 п<ункт> 10 и п<ункт> 11, пробыла я в Доме Предварительного Заключения 40 дней, и за все это время была лишь один раз вызвана следователю на допрос.

На допросе, записав мою биографию, следователь спрашивал меня, с кем из духовных лиц, а также и членов "двадцатки" я знакома из церкви Успения на Васильевском острове в Ленинграде.

В церкви этой я бывала очень редко, т<ак> к<ак> из-за условий работы — с 7 утра до вечера — не могла быть такой усердной посетительницей церкви, хождение в которую мне следователь поставил в вину.

Отдаваясь всецело службе, я лишь изредка на несколько минут забежала в эту церковь, не видя в этом никакого преступления, тем более, что уже 15 лет жила в бывшем церковном доме во дворе этой церкви, а потому, естественно, была знакома как с духовенством, так и с некоторыми членами "двадцатки". Знакомство с духовенством было не как со служителями культа, а как с жильцами одного дома, не придавая никакого значения их профессии.

Разговаривая иногда, как уже упомянуто, с некоторыми членами "двадцатки", я совершенно не подозревала, что они принадлежат, как после оказалось, к какой-то организации, разговоры имели совершенно частный характер, не имеющий отношения к церкви.

После допроса следователь сказал мне, что материала на меня больше не поступает, и что мне будет дано "условно" или "минус".

26-го февраля с<его> г<ода> я была вызвана, и мне было прочитано постановление "тройки" ОГПУ, по которому по статье 58 п<ункт> 10 я освобождалась из-под ареста, но должна была выехать из Ленинграда в Казахстан, гор<од> Кокчетав на три года, что я и исполнила, выехав 8 марта с<его> г<ода> за свой счет в назначенное место ссылки. Пробыв в Кокчетаве три месяца, меня перебросили в 90 км в село Володаровку, где я проживаю в настоящее время.

Не могу понять, неужели знакомство и разговор с людьми по незнанию карается так жестоко. Ведь если бы я знала о принадлежности этих лиц к организации, то не только бы не стала с ними разговаривать, но и сама дала бы знать, куда следует, о наличии шайки.

Неужели советский закон так жестоко карает простое незнание или оплошность, не обращая внимание на безукоризненную работу в течение почти тридцатилетия.

Между тем звание "контрреволюционера" тяжело нависло над моей головой. Я сейчас морально почти убита, именно то, что я лишена культурного общества, лишена права голоса в своей стране, быть выброшенной из членов союза, стать каким-то отбросом, слишком гнетет меня.

Проработав почти всю жизнь на пользу своей родины, в преклонных годах получить звание контрреволюционера — это ужасно!

Физические мои силы от всего пережитого падают, я страдаю хроническим воспалением почек, ослаблением деятельности сердца, общим малокровием.

Неужели не может быть пощады, неужели это тяжелое бремя никогда не спадет с моих плеч?

Нам говорят, это не наказание, а перевоспитание, но такое долгое перевоспитание в таких условиях для моего 56-летнего возраста слишком тяжело, ведь каждый человек может ошибаться.

Прошу Вас ходатайствовать по моему делу и насколько возможно облегчить мою участь.

Работала в Ленинградском Почтамте, I экспедиция с 1905 по 1934 год.

Дело по ОГПУ 7734-33.

Вера Александровна Обри.

Село Володаровка, Караганд<инской> обл<асти>,
Айртавский район, улица Ленина 30.
31/VIII-1934 г<ода>»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1 Д. 1180. С. 64-65. Автограф.